

Санкт-Петербургский
государственный
университет

ЕВРОПЕЙСКОЕ
НАСЛЕДИЕ

ГОД ОСНОВАНИЯ – 2011

8–10
НОЯБРЯ
2022

XLII
Всероссийская
научная
конференция

КУРБАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
КАФЕДРА ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

*Материалы XLII всероссийской научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Курбатовские чтения»
(8–10 ноября 2022 г.)*

*Издание осуществлено при поддержке
Проекта «Европейское наследие»*

Санкт-Петербург
2023

УДК 94
ББК ТЗ(0)4я431(2Р)
П78

Редакционная коллегия:
д. и. н., проф. А.Ю. Прокопьев (отв. редактор),
к. и. н., доц. М.И. Дмитриева,
к. и. н., доц. Е.В. Кулешова,
к. и. н., доц. Д.Н. Старостин,
к.и.н., доц. Терентьева Е. А.
к.и.н., ст. преп. Н. А. Бережная
д.и.н., доц. Е. А. Мехамадиев (отв. секретарь)

П78 Проблемы истории и культуры средневекового общества.

Материалы XLII всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (8–10 ноября 2022 г.). : Сборник / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб.: Скифия-принт, 2023. — 652 с.

ISBN 978-5-00197-072-9

УДК 94
ББК ТЗ(0)4я431(2Р)
П85

ISBN 978-5-00197-072-9

© Авторы статей, 2023
© Скифия-принт (макет), 2023
© Проект «Европейское наследие», 2023

Оглавление

ВИЗАНТИЙСКИЙ МИР

Манохин Я. В.

Процесс христианизации в палестинской Газе и сирийской
Апамее (на Оронте) в IV в.: общее и частное 10

Зибаев А. В.

Из истории географии в Ранней Византии. Понятия οἰκουμένη
и γῆ в «Церковной истории» Филосторгия. 16

Худовеков М. С.

Христиане и язычество в ранневизантийском городе
(по творениям свт. Иоанна Златоуста) 24

Пчелкина Е. А.

Употребление местоимений и устойчивых словесных
конструкций в «Синописе истории» Иоанна Скилицы
и в «Хронике» Продолжателя Скилицы 31

Фролов Д. Л.

Ромейское крестьянство в период франкской власти: структура
семьи и система наследования в среде сельского населения
Пелопоннеса XIV в. 40

Гусельников Т. А.

Что знает бухгалтер о мессах? Потенциал книг массарии Каффы
как источника по истории Церкви 51

Романова А. А.

Византия, Венеция и Мустафа Челеби: попытки создания союза
против султана Мехмеда I в 1415–1416 гг. 60

ИСТОРИК И ИСТОЧНИК

Мазаев Р. М.

Апологетика Марка Минуция Феликса 68

Исмагилова Ю. Д.

Epitoma chronicon Проспера Аквитанского и «вторая редакция»
Consularia Constantinopolitana (388–394/5 гг.) 78

Лазарев С. С.

Первое житие Эдуарда Исповедника: текст и контекст 90

<i>Кравченко И. В.</i>	«Esmeraldo de Situ Orbis» Дуарте Пашеку Перейры: источниковедческий взгляд	99
<i>Макарова М. В.</i>	Образовательные стратегии в трактате Эразма Роттердамского «Воспитание христианского государя».	108
<i>Мальшиев А. И.</i>	Отражение политического курса дома Веттинов в издании «Хроники» Титмара Мерзебургского.	118
<i>Пензев П. А.</i>	Континентальная война взглядом из Шотландии — Роберт Монро и его воспоминания	126
<i>Коробова Ю. С.</i>	Дискурсивный подход в исследовании «Патриархии» Роберта Филмера.	137
<i>Михальчук А. А.</i>	Провинциальные истории как исторический источник: новые возможности и потенциал для медиевистов (на примере «Общей истории Лангедока» К. Девика и Ж. Вэссета)	142
<i>Ерунов М. К.</i>	«Мемуары кавалера» Даниэля Дефо: между фикцией и реальной войной	153
О Б Р А З И Т Е К С Т		
<i>Цивилева В. Е.</i>	«Исторические» и «риторические» иудей в произведениях Григория Двоеслова	162
<i>Шишкова А. Е.</i>	Особенности использования сравнений для построения женских образов по «Антаподосису» Лиутпранда Кремонского.	172
<i>Рибец А. В.</i>	Демонология в хрониках Балтийских крестовых походов	180
<i>Фатхуллин В. Ф.</i>	Изображения святых на городских печатях Англии XII–XVI веков.	190
<i>Падалка А. В.</i>	Образы монахинь в зеркале флорентийской городской литературы XIV века.	196
<i>Лисова У. А.</i>	Образ Жанны д'Арк в «Мистерии об осаде Орлеана»: к истокам легенды об Орлеанской деве	204

<i>Зияняк Б.</i>	Образ русских XV–XVI веков в османских источниках	.213
<i>Козлов А. Д.</i>	К вопросу об образе Елизаветы Тюдор по данным французской дипломатической корреспонденции	.227
<i>Ситнер С. В.</i>	«Строевой лес, или Находки» Бена Джонсона: опыт работы с записной книжкой	.232
<i>Салахова А. И.</i>	Кардинал Ришелье и его политическая деятельность по воспоминаниям герцога Франсуа де Ларошфуко	.240
<i>Лагошина Н. А.</i>	Конструирование идентичности ирландских католиков	.251

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО.
ПРАВИТЕЛИ И ИНСТИТУТЫ**

<i>Бооде М. А.</i>	Возникновение королевства Альба по материалам шотландского историописания конца XIV — начала XV веков.	.262
<i>Трефилов К. А.</i>	Структура монастырской иерархии в сочинении «Regula ad virginēs»: проблема идентификации монастырских чинов	.270
<i>Викторов А. Е.</i>	Св. Радегунда и Меровингская Галлия: власть и святость.	.280
<i>Сироткина А. А.</i>	Англосаксонские королевы VI–VIII веков: социально-политический статус по данным актовых материалов и англосаксонских и англономандских хроник.	.291
<i>Прокопенко Е. В.</i>	О королевских гейсах в саге «Разрушение дома Да Дерга»	.302
<i>Мастяева И. Н.</i>	Новициат в Ключи во второй половине XI в. (по «Ordo cluniacensis» Бернарда Ключийского)	.310
<i>Федоров А. В.</i>	Тома II де Шасне и аббатство Клерво. Отношения светской и церковной власти в Шампани XII века.	.321
<i>Сергеева Е. Д.</i>	Путь из Лиможа в Вифлеем: размышление о светской власти в аквитанской агиографии XII в.	.331

<i>Зубов Д. Д.</i>	Трубадуры и служащие: староокситанская поэзия о чиновниках	344
<i>Щукин С. В.</i>	Противостояние за Гибралтар в ходе испанской Реконкисты в XIV–XV веках	351
<i>Парфентьев П. А.</i>	Противостояние Генуи и Венеции на рубеже XIV–XV вв. в отражении французских источников	360
<i>Пак Пом И.</i>	Сократический король Неаполя: Альфонсо Великодушный, философия в итальянском возрождении и способы легитимации власти	369
<i>Керимова Д. Т.</i>	Северная политика Ричарда III	377
<i>Алестархова А. Е.</i>	Успехи и неудачи первого русского посольства в Англию (1556–1557 гг.)	382
<i>Гафуров С. О.</i>	Формирование внешнеполитической концепции австрийских Габсбургов в 20-е годы XVII века.	390
<i>Сыщикова С. Г.</i>	Анна Австрийская (1601–1666): приход к власти и первые шаги в качестве регента	400
<i>Ходжамедов Р. М.</i>	Депеши Жака де Кампредона как источник по изучению истории Голштинского вопроса.	408
ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО. СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ, ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГА		
<i>Ковригина Л. М.</i>	Женские роли в английском социуме XIV века (по «Кентерберийским рассказам» Дж. Чосера).	418
<i>Либинсон С. Б.</i>	Два казуса из истории семьи Бруков: сюжеты из социальной истории Англии XV века	425
<i>Тихокин В. И.</i>	К вопросу о социальном статусе палачей в Священной Римской империи и Франции в XV–XVI веках	435
<i>Ильинский А. Л.</i>	Религиозная обстановка в Венгрии в конце XV века	444

<i>Павлов К. В.</i>	Дипломатический дебют Франческо Гвиччардини на службе Флоренции: миссия к Фердинанду Католику (1512–1513)	453
<i>Петров Р. С.</i>	Дворянин и империя в воспоминаниях Геца фон Берлихингена . . .	465
<i>Антропов Д. С.</i>	Власть и религиозные представления аббатисы Каритас Пиркхаймер в Нюрнберге первой половины XVI века	475
<i>Соковнина С. А.</i>	Брест в середине XVI века: к вопросу о городской структуре . . .	483
<i>Шешуков Е. А.</i>	Мошеничество в немецких шванках XVI века	492
<i>Алексеев Д. А.</i>	Генезис феномена «гнилых местечек» в Англии	499
РОД - СЕМЬЯ - ДУХОВНЫЙ МИР		
<i>Бабина А. А.</i>	Социально-карикативная деятельность святых-епископов в латинской агиографии IV–V вв.	506
<i>Хлопов С. М.</i>	Святой Савва Сербский о себе в житии своего отца	514
<i>Ененко С. М.</i>	Науки при дворе Фридриха II Гогенштауфена	523
<i>Сота Х.</i>	Влияние францисканской духовности на «Кантиги о святой Марии» Альфонсо X Мудрого	530
<i>Неволина Д. Ю.</i>	Святая земля в восприятии европейских монахов-паломников второй половины XIII в.	536
<i>Желнин А. С.</i>	Старикам тут не место? «Родовые» и «документальные» саги в Исландии на рубеже XIII–XIV вв.	546
<i>Зубова А. Н.</i>	Три женских образа византийского романа XIII–XIV вв.: Хрисорроя, Хрисанца, Родамна	557
<i>Савин Л. В.</i>	Некоторые соображения по поводу семейных книг и экономической жизни горожанина во Флоренции XIII–XV веков	563
<i>Джурко К. А.</i>	Этическая концепция Леона Баттисты Альберти по его «Книгам о семье».	572

Криворотова А. А.
Реакция городского населения Англии на религиозные преобразования первой половины XVI века 579

СИМВОЛЫ, РИТУАЛЫ, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Владимирова Д. В.
Особенности евангельского цикла в Новой церкви Токалы 590

Приходько В. А.
Иллюстрации «Книги о турнирах» Рене Анжуйского — особенности манеры Бартеlemi д'Эйка 597

Горностаева Е. Д.
Адаптация культа Четырнадцати святых помощников во Франции: образ пяти избранных святых мужей и пяти избранных жен в поэзии Эсташа Дешана и во французской миниатюре XV — начала XVI вв. 606

Пиотровская А. А.
Цикл «Двенадцать месяцев» Леандро Бассано из собрания Тульского областного художественного музея в контексте возникновения и развития иконографии изображения месяцев года в Италии. 621

Петрова Е. А.
Ученики Даниэля Соро и Себастьяна Штоскопфа в Ханану. 642

УДК 94 (450).06

Павлов К. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент магистратуры
E-mail: Kir2014Sch603@gmail.com; st055536@student.spbu.ru

Дипломатический дебют Франческо Гвиччардини на службе Флоренции: миссия к Фердинанду Католику (1512–1513)

Аннотация. В статье рассмотрена миссия флорентийского дипломата эпохи Итальянских войн Франческо Гвиччардини ко двору Фердинанда Католика. Актуальность исследования начала дипломатической деятельности Гвиччардини связана с интересом современной науки к истории Флорентийской республики и европейской дипломатии XVI в. Изучив данную миссию, автор делает выводы не только о ее ходе и итогах, но и о характере службы ее исполнителя.

Ключевые слова: Гвиччардини, Фердинанд Католик, Итальянские войны, дипломатия.

Pavlov K. V.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Master's program, Student
E-mail: Kir2014Sch603@gmail.com; st055536@student.spbu.ru

Francesco Guicciardini's Diplomatic Debut in the Service of Florence: The Mission to Ferdinand the Catholic (1512–1513)

Abstract. The article examines the mission of the Florentine diplomat of the era of the Italian Wars Francesco Guicciardini to the court of Ferdinand the Catholic. The relevance of the study of the beginning of Guicciardini's diplomatic activity is connected with the interest of modern science in the history of the Florentine Republic and European diplomacy of the 16th century. Having studied this mission of Guicciardini, the author concludes not only about its progress and results, but also about the nature of the service of its performer.

Keywords: Guicciardini, Ferdinand the Catholic, Italian Wars, diplomacy.

В современных исследованиях по общей истории крупнейшего европейского военно-дипломатического конфликта позднего Средневековья и раннего Нового времени — Итальянских войн 1494–1559 гг. — в ка-

честве ключевого фактора, объясняющего их происхождение и затяжной характер, нередко акцентируется проблема структурной дестабилизации внутриитальянской политической системы как на уровне взаимоотношений городов-государств Италии (работы А. Гамберини [1] и И. Лаццарини [2]), так и в самих итальянских государствах (исследования Ф. Риччьярделли [3] и Д. Блэк [4]). При этом противостояние политических систем внутри Италии интерпретируется некоторыми авторами как «зеркало» комплекса социально-политических и экономических факторов, определявших аналогичное противостояние по всей Европе (М. Малетт, К. Шоу [5]). Так, в исследовании «Итальянские войны, 1494–1559: война, государство и общество в Европе раннего Нового времени» выделяются такие глобальные проблемы затяжных локальных внутриитальянских политических противоречий для европейской политики, как пересмотр основанной на феодальном праве Высокого Средневековья практики обозначения границ между государствами, ставшей в XVI в. архаической [5, р. 218–249], а также континентальный экономический преколониализм крупнейших абсолютистских держав Европы [5, р. 290–295]. В политике же итальянских городов-государств в войнах отмечена общая непоследовательность этой политики как ключевое обстоятельство, определившее столь затяжной их характер [5, р. 16–18]. В этом отношении, как указывают исследователи, весьма показательна политика в войнах на Апеннинах такого немало значившего во внутриитальянской политической системе государства, как Флорентийская республика: за ключевым успехом этой политики — возвратом утраченной в начале войн в 1509 г. Пизы — неожиданно последовала смена внутривнутриполитической формации тосканского государства, выразившаяся в реставрации династии Медичи [5, р. 77–79, 117–118]. Подобная непоследовательность флорентийской политики обуславливалась, прежде всего, дестабилизацией положения Флоренции в «расшатанной» системе баланса сил в Италии, поддерживавшейся в 1454–1494 гг. посредством участия флорентийского правящего дома Медичи как медиатора во внутриитальянских военно-дипломатических спорах [6, р. 9–10]. Однако после смерти в 1492 г. Лоренцо Медичи Великолепного, бывшего ключевой фигурой — «языком баланса» («*l'ago della bilancia*»), по меткому выражению Никколо Макиавелли [7, с. 319] в соблюдении «баланса сил» на Апеннинах, Италия погрузилась во внутривнутриполитический хаос, перешедший с учетом интересов в итальянской политике крупнейших европейских держав (Франции, Испании и империи Габсбургов) в затяжной военно-дипломатический конфликт Итальянских войн.

Для Флоренции в этих условиях ключевой проблемой военной дипломатии длительное время оставался т.н. «пизанский вопрос», связанный с выходом Пизы из-под флорентийского господства, произошедшим при наследнике Лоренцо — Пьеро II Медичи [8, с. 255]. Владение Пизой с 1406 г. позволяло Флоренции иметь стабильный «фронтир» на порубежье внутриитальянских границ между пятью ключевыми городами-государствами Италии, к числу которых, помимо нее самой, относились Венецианская республика, Неаполитанское королевство, герцогство Милан и Папская область [9, с. 448]. Кроме того, «пизанский вопрос» обострил и традиционную для Флорентийской республики проблему внутриполитической дихотомии *governo largo* — *governo stretto*, «широкого» и «узкого» правительств [8, с. 255]. В условиях попеременно сменявших друг друга форм государственного аппарата — профранцузского «широкого» правительства Джироламо Савонаролы (1494–1498 гг.); «нейтрального» режима Пьеро Содерини (1498–1512 гг.), поддерживавшего с Францией оборонительный союз и «...имевшего гибридные черты как "широкого", так и "узкого" правительств» [3, р. 161]; стремившегося лавировать между Францией и Испанией «узкого» правительства Медичи (1512–1527 гг.) — важнейшее значение в поддержании флорентийских интересов в войнах на Апеннинах приобретала «тонкая» дипломатия. В частности, дипломатам Флоренции при осуществлении своей практики важно было уметь лавировать между интересами той или иной группировки в республиканской внутриполитической борьбе. При этом своеобразная аморфность взглядов на противостояние сторонников обеих точек зрения, а также сподвижников и противников Медичи зачастую становилась фактором успешного дипломатического назначения для флорентинцев эпохи Итальянских войн в не меньшей мере, нежели опыт службы республике и способности.

Одним из ярких примеров подобного «тренда» в политической практике Флорентийской республики эпохи Итальянских войн стал дипломатический дебют Франческо Гвиччардини — посла тосканского государства ко двору Фердинанда Католика. В обновленный дипломатический корпус республики вошли антагонисты *gonfaloniere perpetuo* — представители финансово-аристократической элиты города, осуществившие в 1512 г. реставрацию Медичи [10, р. 81–82]. В 1511 г., в последний год гонфалоньерата Содерини, одним из них стал Франческо Гвиччардини — сын умеренного сторонника режима Медичи Пьеро Гвиччардини, муж Марии Сальвиати, дочери Аламанно Сальвиати, первого руководителя «мудрого» Совета Десяти и инспиратора нового дипломатического кур-

са республики, установившегося после возврата Пизы и направленного против Содерини [11, с. 314]. В рамках этого курса новым приоритетом флорентийцев вместо привычного нейтралитета стал поиск сильного «посредника» в деле интеграции в итальянскую политику европейских гегемонов, каковым Флоренция сначала ожидала увидеть Испанию [10, р. 83]. Соответственно, первые шаги трансформированной флорентийской дипломатии были предприняты в испанском направлении: именно в Испанию был делегирован послом Гвиччардини для исполнения первой в своей политической практике дипломатической миссии [11, с. 328].

Отметим, что Гвиччардини, до начала дипломатической практики служивший адвокатом в различных флорентийских обществах, некоторое время сомневался в своей способности исполнить назначение на ответственный пост посла республики в Испании, руководствуясь соображениями предпочтительности оставаться в стороне от высокой политической ответственности, культивируемыми в нем его отцом Пьеро [12, с. 297]. Не лучше ли ему оставаться тем человеком, за которого кидают «черные записки» в Башенном ведомстве (*Ufficiali Della Torre*) и капитуле Бигалло [11, с. 327]? Кроме того, Франческо прекрасно помнил опыт неудачи выдвижения на пост делегата Флоренции по делам республики времен гонфалоньерата Содерини в Лукке по заключенному с ней союзу: причиной отказа флорентийского руководства послужила молодость и свойственная ей неопытность в политических делах [11, с. 316]. Почему же ему, не достигнувшему минимального возраста двадцати девяти лет для занятия какой бы то ни было должности в государственном республиканском аппарате, сразу доверили положение «*посла флорентийской Синьории к Его Королевскому Высочеству*» [*Imbasciatore de mia Eccellenissimi Signori di Firenze a V. Reale Maesta*] [13, р. 15] в Испании? Например, Макиавелли получил свое первое назначение, хоть и в столь же молодом возрасте, но на переговоры к властителю соседнего с Флоренцией Пьембино д'Аппиано, а не к влиятельному монархическому дому Европы, и, что еще важнее, — без надления его миссии статусом посольства. По сути, перед Гвиччардини, как весьма точно отметил К. Челли, в контексте его дипломатической практики сразу встал вопрос ее моральной оправданности: «*Урок Гвиччардини заключается в том, как работа на коррумпированную систему может принести пользу личным краткосрочным интересам, но иметь долгосрочные негативные последствия для себя и общества... Урок из жизни и трудов Гвиччардини — это понимание того, что работа в рамках коррумпированной системы не приводит к решению проблем*» [14, р. 13]. Франческо понимал, что своим новым

положением обязан двум не связанным с его личностными качествами и способностями обстоятельствам: браком с дочерью инспиратора проекта возвращения Медичи в республику Марией Сальвиати [11, с. 310], а также нейтральностью взглядов своего отца Пьеро при гонфалоньерате Содерини, признаке семейной политической благонадежности фамилии Гвиччардини [11, с. 297–298]. Характерно, что Пьеро вовсе не отговаривал сына от предложенной ему миссии, чего опасался Франческо в своих раздумьях: *«Его отец настоял на том, что он не может отказаться от такой чести, и Гвиччардини уехал в Испанию в начале 1512 года, начав блестящую и прибыльную карьеру на государственной службе»* [14, р. 15]. Каковы были задачи испанской миссии Франческо и были ли они им выполнены?

Необходимо отметить, что даже в наиболее полном издании дипломатической корреспонденции Гвиччардини в рамках его испанской легации 1512–1513 гг. отсутствует упоминание о так называемом *commissione data* — «выданном распоряжении», столь характерном для дипломатических миссий его «предшественника» Макиавелли: состав легации начинается с первого письма уже от самого Франческо к флорентийским «Signori Vostri» от 26 февраля 1512 г. [13, р. 13–15]. Как полагал издатель и исследователь корреспонденции Гвиччардини Э. Дзанони, отсутствие служебной инструкции Франческо в миссии к Фердинанду Католику было связано с коллапсом организации исполнительной власти во Флоренции на фоне медичейского переворота 1512 г.: временные службы вновь трансформированной республики попросту не были уполномочены давать распоряжения дипломату, не зная, будет ли он за них ответственен, если эти службы упразднят или реорганизуют [15, р. 105–106]. Однако назначение на посольскую службу Гвиччардини получил еще в октябре 1511 г., при новом дипломатическом курсе республики, но при действовавшем Совете Десяти [11, с. 326]. В этой связи причиной подобной неопределенности его задач и полномочий можно предположить все ту же борьбу флорентийских внутриполитических группировок: неслучайно сам Гвиччардини впоследствии упоминал, что делегированию его как посла к Фердинанду противились *«...некоторые граждане и особенно гонфалоньер»* [11, с. 327]. Вместе с тем, Дзанони, проанализировав письма флорентийца в рамках его испанской легации, сделал вывод о том, что возможной основной целью миссии Гвиччардини было заключение флорентийско-испанского союза по аналогии с ранее действовавшим у республики соглашением с Францией: *«Посол объяснил ему причины своего приезда и показал, насколько велика вера его правительства в Его*

Величество. Государь ответил, что всегда любил Флорентийскую республику, и предложил угождать ей везде, где только можно» [15, р. 107]. Гипотеза итальянского исследователя о том, что предполагавшийся Флоренцией союз с Испанией мог носить именно оборонительный характер, подкрепляется сообщением Франческо в письме флорентийскому руководству от 21 апреля 1512 г. о высказанных Фердинандом в отношении республики намерениях: *«Королевское Величество вчера вечером получил письма из Италии, а вчера он дал нам знать, что ему сообщили, что его капитаны находятся в хорошем расположении, чтобы ждать французов, когда они придут, чтобы напасть на него, и что он получил известие, что французы просили у Ваших Светлостей людей и прохода через ваши земли, и что Ваши Светлости отказали им в том и другом; от чего он показал большое удовольствие и очень похвалил Ваши Светлости. Сказав также, что он не собирается просить их в настоящее время объявить себя против Франции, так как видит, что в данный момент они не могут сделать этого без опасности: но для него достаточно, чтобы они оставались в стороне» [13, р. 31].*

Испанию устраивало положение Флоренции как отстраненной от непосредственных военных действий, но союзной и подконтрольной ей стороны. Подобная оценка арагонским монархом степени возможного соучастия Флорентийской республики в папско-испанском проекте Святейшей лиги против Франции неслучайна. Она явилась результатом осторожности, по обыкновению проявленной Гвиччардини при первой аудиенции при королевском дворе, состоявшейся в начале апреля и включавшей в себя частный разговор с секретарем Фердинанда Альмазано, сделавшем Франческо от имени короля посредническое предложение: *«Он сказал мне, что Королевское Величество не получал никаких писем из Италии с 14 февраля, и что для того, чтобы доставить ему величайшее удовольствие, которое Ваши Светлости могут ему доставить, он хотел бы, чтобы они использовали свое усердие, чтобы ежедневно информировать меня о том, что происходит в Италии, чтобы Его Величество мог получить самые ранние новости об этом. На это я ответил, что уверен, что Ваши Светлости приложат все усилия, чтобы угодить Его Величеству, но что вы должны думать, что у них будут такие же трудности с письмами, как и у Его Величества. Я отвечал только на те вопросы, которые касались особенностей города» [13, р. 26].* Помимо этого, как пишет Франческо руководству республики после разговора с Альмазано, Фердинанд Арагонский в своем стремлении инкорпорировать в союз против французов империю Габсбургов едва ли может

рассчитывать на успех: «Я забыл уточнить, что он также сказал мне, что император сожалеет о величии Франции, но что он с ней, потому что не нашел решения с венецианцами, и мне показалось, что у него мало надежды на то, чтобы отдалить его от Франции» [13, р. 26]. Соответственно, позиция, высказанная Гвиччардини по вопросу возможности союза Флоренции с Испанией на тот момент, была выжидательной: республике необходимо сосредоточиться на внутреннем переустройстве, а не вступать в борьбу гегемонов на чьей-либо стороне. По сути, посол республики в Испании предлагает флорентийскому руководству своего рода проект «идеального» нейтралитета, уже отличного от вооруженного нейтралитета, существовавшего при неразрешенности «пизанского вопроса». Именно такая внешнеполитическая линия, как напишет Франческо в составленных в период реализации испанской миссии «Рассуждениях в Логроньо», могла бы окончательно примирить противников внутри Флоренции по проблеме дихотомии «широкого» и «узкого» вариантов ее правительств [16, р. 259–260]. В этом отношении для Гвиччардини, в отличие от Макиавелли, пример внутреннего устройства Венеции представляется именно образцовым [16, р. 259]. Потеря же Республикой Св. Марка значительной степени политической самостоятельности в результате поражения от сил Камбрейской лиги в 1509 г., по мнению Франческо, явилась следствием наихудшего из отклонений от разумной организации венецианской системы «сдержек и противовесов» — предоставления исключительного права военных полномочий, подобного римскому консульскому империи, дожу республики [16, р. 259]. Тем самым флорентинец как бы намекает возглавившему Флоренцию после переворота Джованни Медичи: абсолютная власть во внутриполитических вопросах, подобная традиционной власти венецианских дождей, возможна и разумна, тогда как в военной дипломатии необходимо согласовывать свои действия с республиканскими «мудрыми» — *savii*. Следовательно, в отношениях с «мудрыми» абсолютному правителю республики рационально придерживаться подхода *ut plurimum* — предоставлять им возможность высказывать различные мнения, но консолидировать свои решения с мнением их большинства [16, р. 262].

В продолжение же своей посольской деятельности Гвиччардини в письме от 18 июля 1512 г. из Бургоса фиксирует для флорентийского правительства неприятное изменение отношения Фердинанда к республике, связанное с испанской позицией относительно ситуации с престолом в Милане: «Затем он перешел к обсуждению других дел в Италии и сказал мне, что для того, чтобы все исправить, необходимо посадить

в Милане определенного герцога, и что никто не подходит больше, чем сын герцога Лодовико, потому что он его родной сын; и что император хорошо относится к этому, и что он уже считает, что послал его туда. И поскольку я сказал ему, что это государство будет слабым, если не все его члены будут возвращены ему, он ответил, что Брешия, Бергамо и Крема давно принадлежат венецианцам, но что в Кремоне у них нет никаких оснований, и что он неохотно был с ними, намекая мне, что Кремона будет принадлежать Миланскому государству. Таким образом, я понял, что он настроен против нас, и что ему не нравится величие венецианцев» [13, р. 43]. Вывод Франческо о том, что испанский король настроен против Флоренции, сделанный по получению сведений о стремлении Фердинанда вернуть миланский престол наследнику Лодовико Моро Массимилиано, объясняется непризнанием «старой», медичейской Флоренцией в лице Пьеро II власти самого Лодовико [17, р. 313]. В «Истории Милана» Бернардино Корио приводится интересная интерпретация решения Пьеро как стремления «...Вслед за своим отцом Лоренцо изъять волю Медичи как правителей над правителями Италии» [18, р. 597]. В действительности Медичи, по мнению американской исследовательницы ренессансной итальянской политики Д. Блэк, не могли принять власть Моро, а вместе с тем и его наследников, как «...результат незаконно ведшейся войны» [4, р. 158]. Однако инвестирура, данная императором Максимилианом Габсбургом своему итальянскому тезке на правление Миланом в 1512 г., была поддержана Фердинандом: общность их решения определялась необходимостью изгнать из Миланского герцогства Людовика XII [19, р. 7]. Соответственно, несмотря на провозглашение ревизии профранцузского курса Содерини и переориентацию на союз с Испанией, медичейская Флоренция вновь не могла поддержать решение о герцогской власти Массимилиано Сфорца; а значит, перспектива предполагаемого союза становилась для тосканского государства весьма затруднительной. Тем не менее, Гвиччардини длительное время не отзывали с посольской миссии при дворе Фердинанда, и это вынудило его переехать в августе 1512 г. из Бургоса в Логроньо по пути следования монарха. Как отмечает итальянский исследователь Гвиччардини М. Палумбо, в период поездки по Испании за королевским двором флорентийский посол «...наблюдает, отмечает, отличает одно место от другого и, в отличие от Макиавелли, дает точные свидетельства отдельным реалиям, с которыми он сталкивается» [20, р. 8]. В представлении итальянца, аналитика Гвиччардини всегда включает в себя пространственное измерение поступающей информации [20, р. 9]. В этом отношении

можно рассматривать подход Франческо к анализу и описанию наблюдаемых им событий как противоположный макиавеллевскому синтезу метод выявления частных особенностей через общие закономерности: *«Хотя очевидно, что основное внимание Гвиччардини сосредоточено на испанском короле и политических и военных стратегиях, которые он скрывает за своими видимыми движениями, нельзя сказать, что само путешествие не представляет собой возможность для обучения: способ выделить характерные черты места, определить его экономический профиль, сделать синтетические суждения о всей наблюдаемой антропологической, исторической и географической реальности. Таким образом, вынужденное шествие через различные ландшафты, народы и государства превращается в упражнение в исследовании, эмансипированное в автономный опыт, благодаря которому можно обучиться точно описывать в каждом конкретном случае особые качества сценариев, проходящих перед любопытным и пытливым взором»* [20, р. 9]. Интересно, что задолго до М. Палумбо Дзанони похожим образом оправдывал такое качество, весьма характерное для Гвиччардини-дипломата, как использование слухов в служебных донесениях: *«Флорентийский посол всегда бдителен и прислушивается к неясным слухам, которые ходят при дворе, чтобы узнать истинное положение вещей: затем со спокойствием и ясностью он сообщает об этом Синьории в письмах»* [15, р. 108]. Так, именно на основании анализа слухов из Милана Франческо предупреждает флорентийское правительство о возможности принятия Фердинандом в отношении тосканской республики *«...qualche risoluzione non biopa»* [*...какого-то недоброго решения*] [13, р. 39]. На фоне очевидного противоречия интересам Медичи решения «миланского вопроса» Испанией, Империей и папством, Флоренции могла грозить дипломатическая изоляция. Этим обстоятельством, как указывает посол республики в письме из Логроньо от 22 августа, Фердинанд воспользовался для ведения с ним ультимативных переговоров об испанско-флорентийском союзе на формально взаимовыгодных условиях: *«Он спросил меня, есть ли у меня здесь полномочия, чтобы я мог сделать какое-либо заключение, не обращаясь к Вашим Светлостям, потому что, имея их, он готов сразу же прийти к соглашению; указав, что вещи, о которых он будет просить, будут такого характера, что не вызовут особых споров. Когда я сказал ему, что буду писать к Вашим Светлостям, он заключил, что будет писать к вице-королю по этому вопросу: и что он даст ему полномочия продвинуть дело, и что если Ваши Светлости согласятся с ним, они должны послать к нему, решив, что, поскольку это должно*

быть решено там, нет необходимости сообщать мне какие-либо другие подробности. И на самом деле он показывает свое желание быть ближе к Вашим Светлостям и показывает, что он верит, что у них нет никаких трудностей, так как ему кажется, что на карту поставлено благо города, а также словам, которые я сказал ему о вашем добром расположении, хотя они были общими; и согласно комиссиям, которые у меня есть, он убежден, что Ваши Светлости имеют такое же желание» [13, р. 46–47]. Действительные намерения Фердинанда Католика установить над Флоренцией протекторат, что очевидно для флорентийца, скрыты в его словах о «поставленном на карту благе города», однако король маскирует свое устремление обозначением характера предполагаемого договора с республикой как его «просьбы» к ней [13, р. 46]. Соглашение, являвшееся целью Флоренции еще четыре месяца назад, теперь становилось для нее неприемлемым. В связи с этим в следующие четыре месяца своего путешествия, при последовательном переезде королевского двора в Вальядолид и Медина-дель-Кампо, Гвиччардини, по справедливому замечанию М. А. Юсима, больше «приобшчался» к «...назначенному республикой жалованию и подаркам короля Фердинанда» [21, с. 593], чем передавал для своего государства новую дипломатическую информацию. Так что не следует удивляться и скорому отзыву Франческо с исполненной миссии: в «Воспоминаниях о себе самом» он сообщает, что уже 5 января 1513 г. прибыл обратно в республику [11, с. 334].

Итог миссии, по справедливому наблюдению К. Челли, стал провалом как для Гвиччардини-дипломата, так и для представляемого им флорентийского государства: союз Флоренции с Испанией как альтернатива отказу от ранее действовавшего оборонительного соглашения с Францией, заключен не был [14, р. 9]. Обобщил же флорентиец свои наблюдения за ситуацией при дворе арагонского монарха в донесении «Рапорт об Испании», составленном им по возвращении во Флоренцию в 1513 г. Наиболее ценным наблюдением для флорентийской дипломатии, как покажет дальнейший ход развития войн на Апеннингах, в составленном рапорте стало сообщение о крайне выгодном финансовом положении испанской монархии по отношению к папству в вопросах церковных доходов: «Папы могут думать, что они уступают ему гроши. Однако доходы были достаточно постоянными, так что без этих субсидий король не смог бы вернуть Гранаду и другие иностранные королевства, и ему было бы трудно удержать Арагон и Кастилию. Поэтому благоразумный папа, который хорошо разбирается в делах, разрешил бы уступки, которые принесли бы большую пользу церкви, поскольку нет ко-

роля, более обязанного помогать церкви, чем этот, поскольку благодаря ее власти он так много нажил. Папы по-прежнему угрожают ему, надеясь епископствами по его замыслу, в частности, в королевстве Гранада, где Иннокентий передал под опеку не только епископства, но и приходы со всеми их благами, оставив на его усмотрение распределение их доходов и поступлений по своему усмотрению» [22, р. 61].

Противостояние интересов светской абсолютной власти папской, отмеченное Гвиччардини на испанском примере, при последующих понтификах из флорентийского дома Медичи станет центральным в войнах на Апеннинах. В этом отношении итоговый испанский рапорт флорентийца очень точно отражает сочетание личных качеств Гвиччардини как политического практика — исключительную прагматичность наблюдений и их ориентированность на извлечение личной выгоды, обеспечивавшие ему комфортное встраивание в постоянно трансформировавшиеся обстоятельства итальянской политики его эпохи. В свою очередь, персональный итог миссии в Испанию для Гвиччардини как дипломата на службе Флоренции оказался неудачным: подобие нового проекта нейтралитета республики, предложенное им в его реляциях флорентийскому руководству, принято к вниманию не было. Тем не менее, после некоторого перерыва, с 1516 г. Франческо Гвиччардини возобновит дипломатическую деятельность на службе папству в лице дома Медичи. С этого момента для него наступит время, когда его собственные интересы на дипломатической службе возобладают над интересами флорентийского государства.

Список источников и литературы

1. *Gamberini A.* The language of politics and the process of state-building: approaches and interpretations // *The Italian Renaissance State* / Ed. by A. Gamberini, I. Lazzarini. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 406–424.
2. *Lazzarini I.* Communication and conflict. Italian diplomacy in the early Renaissance, 1350–1520. Oxford: Oxford University Press, 2015. 337 p.
3. *Ricciardelli F.* The Myth of Republicanism in Renaissance Italy. Turnhout: Brepols Publ., 2015. 232 p.
4. *Black J.* Absolutism in Renaissance Milan. Plentitude of Power under the Visconti and the Sforza: 1329–1535. Oxford: Oxford University Press, 2009. 257 p.
5. *Mallett M., Shaw C.* The Italian Wars, 1494–1559: War, State and Society in Early Modern Europe. Routledge: Taylor&Francis Group, 2012. 391 p.
6. *Theory and Practice of the Balance of Power, 1486–1914. Selected European Writings* / Ed. by M. Wright. London: J. M. Dent & Sons Ltd, 1975. 192 p.

7. *Макиавелли Н.* История Флоренции / Пер. с итал. Н. Я. Рыковой; общ. ред., послесл. и комм. В. И. Рутенбурга. Л.: Наука, 1973. 447 с.
8. *Павлов К. В.* Флорентийская республика и начало Пизанской войны по «Истории Флоренции» Франческо Гвиччардини // Современная российская медиевистика: сборник тезисов Всероссийской научной конференции с международным участием, Москва, 27–29 июня 2022 года / Отв. ред. Е. В. Казбекова. М.: ИВИ РАН, 2022. С. 253–255.
9. *Катушкина Л. Г.* Итальянские войны // История Италии в 3 т. / Под ред. С. Д. Сказкина. Т. 1. М.: Наука, 1970. С. 426–466.
10. *Gilbert F.* Machiavelli and Guicciardini: Politics and History in Sixteenth-Century Florence. Princeton: Princeton University Press, 1965. 358 p.
11. *Гвиччардини Ф.* Воспоминания о себе самом // Гвиччардини Ф. Сочинения / Пер. с ит. А. К. Дживелегова. М.: Наука, 1934. С. 301–520.
12. *Гвиччардини Ф.* Семейная хроника // Гвиччардини Ф. Сочинения / Пер. с ит. А. К. Дживелегова. М.: Наука, 1934. С. 231–299.
13. *Legazione di Spagna di Francesco Guicciardini.* Pisa: Presso Niccolo Capurro, 1825. 293 p.
14. *Celli C.* Guicciardini: The Limits of Self-interest // The Defeat of a Renaissance Intellectual: Selected Writings of Francesco Guicciardini / Ed. by C. Celli. Philadelphia: The Pennsylvania State University Press, 2019. P. 10–43.
15. *Zanoni E.* Vita Pubblica di Francesco Guicciardini. Con nuovi documenti. Bologna: Ditta Nicola Zanichelli, 1896. 626 p.
16. *Guicciardini F.* Discorso di Logrogno / Opere di Francesco Guicciardini in 3 vol. Vol. 1. Torino: UTET, 1974. P. 247–296.
17. *Young G. F.* The Medici. in 2 vol. Vol. 1. London: John Murray Albemarle Street, 1913. 644 p.
18. *Storia di Milano di Bernardino Corio.* Eseguita sull' edizione principe del 1503 / Con prefazione, vita e note del E. De Magri. In 3 vol. Vol. 3. Milano: Francesco Colombo, 1857. 742 p.
19. *Gagne J.* Milan Undone: Contested Sovereignties in the Italian Wars. Cambridge; London: Harvard University Press, 2021. 465 p.
20. *Palumbo M.* Natura, nomini e storia nel “Diario del viaggio in Spagna” di Francesco Guicciardini // *Italies.* 1998. No. 2. P. 7–23.
21. *Юсим М. А.* Франческо Гвиччардини — историк Итальянских войн // Гвиччардини Ф. История Италии в 2 т. Т. 2 / Пер. с итал. и подг. изд-я М. А. Юсима. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. С. 579–640.
22. *Guicciardini F.* Report On Spain // The Defeat of a Renaissance Intellectual. Selected Writings of Francesco Guicciardini / Ed. by C. Celli. Philadelphia: The Pennsylvania State University Press, 2019. P. 45–62.

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО
ОБЩЕСТВА

*Материалы XLII всероссийской научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Курбатовские чтения»
(8–10 ноября 2022 г.)*

Под редакцией

А.Ю. Прокопьева

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10

Корректурa — *Ю.Б. Феофанова*
Верстка — *А.А. Лубина*

Подписано к публикации 00.00.2023. Заказ №0
Формат 60×90 1/16.
Усл. печ. л. 40,75.

Издательство Скифия-принт.
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10